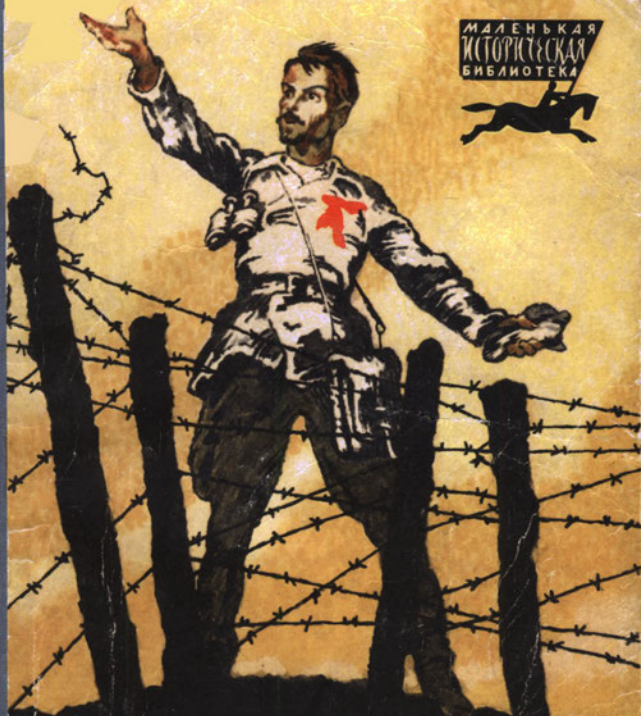

МАЛЕНЬКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

А. ЛИХАНОВ

ЗОЛОТАЯ САБЛЯ КОМАНДИРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Цена 8 коп.

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»**

в 1974 году в серии
«Маленькая историческая библиотека»
выйдут следующие книги:

**Заречная С.
КАЗАЧОК ГРАФА МОРКОВА**

**Коршунов М.
РАССКАЗЫ СТАРОГО ШАХТЁРА**

Для младшего возраста

Альберт Анатольевич Лизанов
ЗОЛОТАЯ САБЛЯ КОМАНДИРА

РАССКАЗЫ

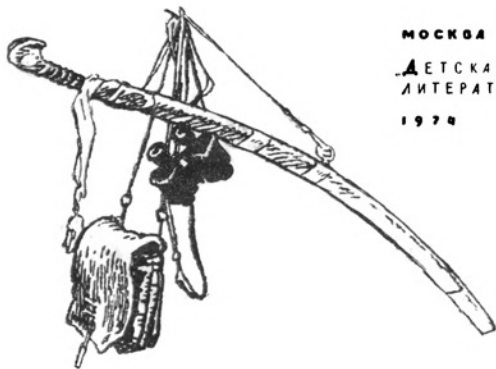
Ответственный редактор Т. П. Николаева. Художественный редактор М. Д. Сухо-
чева. Технический редактор В. К. Егорова. Корректор В. В. Борисова. Сдано в
набор 26/IV 1974 г. Подписано к печати 25/VII 1974 г. Формат 60×84¹/₄. Бум.
типogr. № 1. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 1,86. Уч.-изд. л. 1,6. Тираж 150 000 экз.
Заказ № 2673. Цена 8 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового
Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Государ-
ственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии
и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

А. ЛИХАНОВ
**ЗОЛОТАЯ
САБЛЯ
КОМАНДИРА**

Рассказы

МАЛЕНЬКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

МОСКВА

ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

1974

РИСУНКИ И. ГОДИНА

Лиханов А. А.

Л65   Золотая сабля командира. Рис. И. Година. М.,
«Дет. лит.», 1974.

32 с. с ил. (Маленькая историческая библиотека).

Рассказы о герое гражданской войны Николае Щорсе.

Р2

Л $\frac{70802-483}{\text{М}101(03)74}$ 382-74

© Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1974 г.

**ПРО СМЕРТЬ, ПРО ГОРЕ И ПРО ПАЛАТКУ
С КРАСНЫМ КРЕСТОМ**

Ухает снаряды смертельным грохотом.

Звонят пули разбойничьим посвистом.

И земля, первым снегом присыпанная, воронками от снарядов, будто чёрными оспинами, прикрывается.

Идёт война. Льётся солдатская кровь. Льётся, будто не кровь это человеческая, а простая водица.

Грянет залп — и упадёт солдат на стылую землю. Схватится за неё руками, будто обнять хочет. И, умирая, в последний миг о доме вспомнит. О ребятишках своих, у которых животы от голода пухнут. О жене, которой теперь за подавнием по дорогам идти.

Взметнётся солдат, глаза к серому небу вскинет, так и умрёт, с облаками в застывших глазах. С тоской и болью.

Подползут санитары к солдату. Притащат к палатке с красным крестом. Выйдет фельдшер. Подойдёт к солдату. Посмотрит — умер. Глаза ему закроет.

Папироску закурит, задумается. Велят могилу отрыть.

Потом повернётся и снова в палатку войдёт. Раны кровавые стальной иглой зашивать. Раненых перевязывать.

Работает фельдшер, полумёртвых у смерти отнимает, а сам зубами скрипит. Про того солдата, что умер, думает.

Вот придёт весна, и там, где он солдата зарыть велел, густая трава заколышется.

Кто лежит тут? Солдат.

По какому прозвищу? Неизвестно.

Какого места родом? Неизвестно.

А погиб за что? Ни за что...

Скрипит зубами фельдшер. Думает: «Не страшно умереть. Страшно умереть впустую. Ни за что умереть страшно».

Был солдат раньше крестьянином. Пот проливал на помещичьем поле.

Был солдат раньше рабочим. Гнул спину на заводчика.

Нужна стала война помещикам да заводчикам. Надели они шинели на рабочих и крестьян, винтовки в руки сунули. Иди, мол, сражайся за нас, умирай.

А кончится война, и коли повезёт — живым останется солдат, — снова к помещику пойдёт или к заводчику. Снова спину гнуть и пот проливать станет.

А по станицам, да по городам, да по дорогам фазным побредут, поковыляют калеки-воины, милостыню за героизм прося.

Вот за что воюет солдат. Вот за что помирает.

Лечит фельдшер людей. Закрывает глаза мёртвым. И всё чаще говорит с солдатами, как войну эту несправедливую кончить.

Уехал потом фельдшер в школу прапорщиков. Снова на фронт попал. За храбрость представлен в подпоручики.

Идёт бой. В сыром окопе стоит подпоручик. Вдруг кровью сплюнет, зашатается. Подбегут к нему санитары:

— Помочь, ваше благородие?

— Какое я вам благородие? — А сам на ногах еле держится.

Подхватят его санитары. В палатку принесут.

— Отвоевался ваше благородие, — скажет один.

— Большевик он, а не благородие, — ответит другой. — Из наших, из солдат. И болезнь-то у него солдатская...

Болезнь эту солдатскую чахоткой называли — простыл подпоручик в сырых окопах.

А звали офицера Николай Щорс.

ПРО СОЛДАТСКУЮ КАРТОШКУ

Отправили Щорса домой, в посёлок Сновск.

Ступил на домашний порог — не узнать. Бледный. Худой. Кашляет взахлёб, долго. Ладно, хоть живой.

Радуйся, родня!

Только чего же отец хмурится? И младшенькие почему к солдатской торбе тянутся? Есть просят?

«Эх, отец, братишки! Не за вас на фронте солдаты кровь льют. Не за вас война идёт. А когда же за вашу лучшую жизнь бороться будем?»

Положил Щорс свой мешок на лавку, снял гимнастёрку с погонами подпоручика.

Подошёл отец к мешку, пощупал:

— Не картошку ли привёз, сынок?

— Картошку.— Щорс улыбнулся.— Только не простую, а нашу, солдатскую.

Развязал отец мешок, сунул в него руку, вздрогнул, насторожился. Достал из мешка железный кругляш. Достал из мешка гранату. Удивился.

— Так для тебя ж война кончилась! — сказал.

Взял Щорс мешок с лавки, на отца поглядел, задумался.

— погоди, батя,— сказал.— погоди! Пригодится еще солдатская эта картошка! А для меня война только начинается!..

ПРО КРАСНУЮ СИЛУ

Небо над Украиной, от туч тёмное, враз посветлело. Горе да беда поутихли. Красные флаги белые хаты расцвелили — словно сад весной:

В ПЕТРОГРАДЕ РЕВОЛЮЦИЯ!

МИР НАРОДАМ!

ЗЕМЛЯ КРЕСТЬЯНАМ!

ХЛЕБ ГОЛОДНЫМ!

И впрямь — весна...

Только не долго хаты алыми флагами цвелились.

Снова потемнело сильнее небо.

Будто чёрная волна на берег обрушилась — немцы, да гайдамаки, да петлюровцы, да всякая другая нечисть пришла на Украину.

Революцию задуть. Огнём деревни сжечь. Снарядами города разнести. Пулями к стенам большевиков пришить.

Вот и пригодилась Щорсу его железная картошка.

Собрал он своих верных друзей большевиков — отряд получил. Маленький отряд, да удаленький.

Подошёл к местечку, где Щорс жил, бронепоезд немецкий. Вполз железной змеей — пулемётами да пикастыми немецкими касками очерился. А щорсовский отряд незваному гостю гостинец припас. На завтрак — мешок солдатской картошки.

Швырнули партизаны гранаты — запыхтела змея железная, отползла назад. Снова вперёд двинулась, залаяла пулемётами, заухала пушками.

Эх, маловато у партизан железной картошки — всего мешок, а винтовками змею не уgomонишь.

Велел Щорс друзьям своим отступить.

Пошли они, понурясь, по тропе дальней в лес.

— Эй, друзья, — крикнул Щорс, — выше головы! Чтoб гадину эту побить, сила нужна. Вот за силой мы в лес и идём.

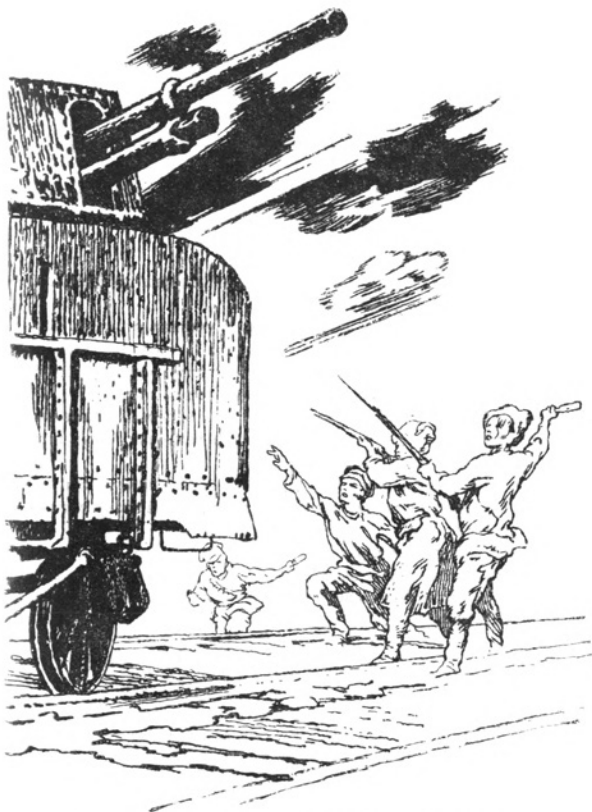
И вдруг хрустнула ветка в чаще. Насторожился Щорс. Защёлкали затворами партизанские винтовки. Приготовились врага встретить как следует. Глядят — из лесу мужик выходит. Бородатый, большой. А за ним ещё мужики — кто с винтовкой, кто с наганом.

— Кто вы и куды? — спрашивает бородатый.

— На кудыкину гору, — отвечает Щорс, — нечисть всякую бить.

— Дак нам с вами по дороге!

Идут теперь веселей товарищи Щорса. Правду, значит, командир сказал. В лесу силы отряду прибавилось. Вдвое больше стал отряд. Вдвое больше рук. Вдвое больше стволов вороненых.

Швырнули партизаны гранаты — запыхтела эсая железная,
отползла назад.

ПРО СТОЛИЦУ ПАРТИЗАНСКУЮ

Хоть Семёновка и село, а столица, партизанская столица.

Со всех сторон лесами упрятана, густыми чащами укрыта, болотами непроходимыми отгорожена.

Идут, и идут, и идут в Семёновку люди. Идут тайными тропами. И по одному, и отрядами.

Идут в партизанскую столицу и крестьяне с хуторов, и рабочие с заводов, и бывалые солдаты.

Идут в отряд к командиру Щорсу.

А Щорс каждого спрашивает:

— Готов отдать жизнь за революцию? Смерти не боишься?

Сам смотрит в глаза пристально.

И равнялись в строю новые бойцы. И учились стрелять метко в цель. И учились военным правилам. И дисциплине воинской учились. И становился отряд, в разные обутки обутий, в разные одёжки одетый, партизанским боевым отрядом.

И повёл командир Щорс своих бойцов в первое сражение.

Идут партизаны — за плечами старые винтовки. Идут партизаны — катят одну свою пушку.

Это только на первый взгляд сила в отряде небольшая. Но умеют партизаны и в цепь развернуться, и смело в атаку идти — Щорс научил.

Есть у них и конная разведка.

Рванулась вперёд разведка, выскочила стремительно — вернулась с добычей. Много винтовок новых, автоматических. Много гранат. Пулемёты...

ПРО ПЕРВЫЙ БОЙ

Что говорить, сила у немцев была большая. Хитростью с ними надо было. Не в лоб бить, а в тыл. Или сбоку, с флангов. А еще лучше — не в поле, а в лесу.

Заманил Щорс немцев в лес — где погуще.

Немцы среди деревьев наступают, друг от друга отойти боятся — ведь лес густой, да ещё и чужой.

А партизаны выцеливают врагов, на мушку их сажают и — хлоп, хлоп, хлоп...

Щорс командует:

— А ну-ка, залпом!

Как грохнут враз триста стволов, гул идёт по лесу — немцев страх берёт. Мерещится им, что это стреляет войско большое, а не маленький партизанский отряд.

Остановились немцы. Силы собирают, к решительному бою готовятся. Притихли и партизаны. Залегли на краю большой поляны. Ждут.

И в лесу тихо-тихо. С еловых лап вода по капельке стучит: тук-тук... тук-тук...

На поляне вербочка почки свои распушила. Будто свечки горят. А капли всё падают, падают: тук-тук... тук-тук...

И вдруг возле вербочки на поляне чёрные цветы поднялись. Огромные. Тяжёлые. Поднялись — и тут же вниз попадали. В ушах звенит. И уже не капельки водяные стучат, а пушки немецкие из-за леса ухают: уу-ух!.. уу-ух!..

Затрещало что-то, задвигалось в лесу — броневики вражеские ползут, за ними — солдаты в пикастных касках. Идёт враг, собрав всю свою силу.

Выждал Щорс, пока немцы поближе подойдут, махнул рукой.

Застрочили партизанские пулемёты. Захлопали партизанские винтовки. Полетели гранаты. И одна-единственная пушка огонь открыла.

Целый день бились партизаны. Навсегда полегли многие из них на лесной поляне. Погибли героями, сражаясь до последнего патрона.

А когда настала ночь, поднялось над лесом красное зарево, осветило поляну. Увидели партизаны снова вербочку. Только не было уж на ней пушистых свечек. Один корявый ствол, огнём обожжённый.

Цапнула жгучая пуля и Щорса в плечо. Голову он опустил на мгновение. Товарищи к нему подскочили:

— Что с тобой?

— Ничего, — Щорс отвечает.

Повернулся к товарищам, губу от боли закусил. Оглядел поредевшие ряды. Вспомнил, как на фронте погибшим солдатам глаза закрывал. «Те — ни за что погибли, — подумал. — А мы, если погибнем, — за правое дело, за революцию. За это и жизнь отдать мало».

Посмотрел Щорс на поляну, пламенем от горящего леса освещённую. Посмотрел на вербочку обутленную и сказал:

— Ничего, расцветёт ещё вербочка. Вот увидите, расцветёт!

Отшли отряды партизанские, товарищей своих в дальних лесах похоронив. Ушли, отступив в неравной битве.

Топчут родную землю чужие кованые сапоги. Тяжкий стон, как серый ворон, поплыл над Украиной. Горе торькое в бедняцкие хаты, не постучав, вошло.

А вербочка снова зацветала себе и зацветала. Рядом железные каски ржавели, а она снова расцветала назло врагам, подставляя ветру свои липкие листочки.

И тёплый украинский ветер гнал лёгкие облака, похожие на паруса, гнал их туда, на север, к ничейной земле, к широкой полосе в несколько вёрст, куда не смели сунуться немцы. К полосе, за которой была Россия.

ПРО ТО, КАК ЩОРС В МОСКВУ ПРИЕХАЛ

В тесной теплушке на маленькой станции стоял Щорс в кругу немногих своих бойцов. Славных своих красных партизан.

Мял шапку в руках Щорс. Говорил трудно, отрывисто. Слова жскал долге, будто растерял их. Да и как найдёшь слова эти. Совсем не командирские. Наоборот совсем.

— Идите, — говорил, — поодиночке... Поодиночке легче. Идите домой и берегите себя, потому что каждый из вас, красных партизан, скоро, очень скоро станет для врага страшной силой. Идите домой! Трудно воевать с регулярной армией. Трудно одним. А Россия пока нам помочь не может.

Поднял голову Щорс — просветлели глаза.

— Идите домой, да не на печку. Собирайте тайно бойцов. Готовьте отряды. Скоро придёт час и Советской Украины!

Обнял Щорс каждого бойца. Крепко пожал руку каждому. Пристально в глаза глянул, как тогда, перед первым боем. Только не спросил: «Готов отдать жизнь за революцию?» Не спросил: «Смерти не боишься?»

Знал — готовы бойцы отдать жизнь за революцию.

Знал — не бояться смерти они, потому что доказали это своей кровью и своей отвагой.

Долго стоял Щорс, сняв шапку. Долго глядел, как расходятся партизаны. Глядел — и сердце боль жгла. Но знал Щорс, что только так можно и людей спасти, и к грядущим боям подготовиться.

Ушёл в лес последний боец. Повернулся Щорс к близким соратникам, с кем дальняя дорога ему предстоит, вздохнул.

— Что ж, — сказал, — поехали!

И поехали они. Поезд битком набит — голод не тётка, гонят людей кого куда.

Выдохнется паровоз, остановится — вылезай. Пилы в руки бери, топоры — готовь еду паровозу. Человек без еды не может, а машина железная тем более...

Мелькают полустанки. Деревни пробегают.

Вот город придвинулся. Медленно паровоз в себя впустил.

Дома серые. Серые бараки. Люди в серой одежде. Москва...

На площади у вокзала кухни полевые дымят. Дымят цигарками бойцы. Дымят трубами заводы.

Тяжкое время — кругом враг. А Москва живёт, работает, не сдаётся.

А раз Москва живёт — живёт и Советская власть! А раз есть Советская Россия, будет и Советская Украина!

Не всё, конечно, так легко и просто. Время трудное и тревожное. Время такое, что в нём ещё разобраться надо.

Идёт Щорс по Москве, а вокруг все про мир говорят. Заключила Советская Россия с немцами мир. Ленин сказал: позорный мир, позорный, но нужный. Нужный, как воздух. Позорный, потому что пришлось отдать Украину. А взамен получили время — время, чтоб сил набраться.

Время, чтоб Красную Армию винтовками, да пушками, да бронепоездами вооружить, по всякой нечисти — своей, российской, и другой, незваной, заграничной, — изо всех сил ударить. Так, чтоб навсегда ушла она с нашей Земли.

Теперь новая жизнь у Щорса. Без выстрелов, без конского топота. Спит не в шалаше, не в лесу, в комнате — светлой, просторной. На потолках ангелы нарисованы. Раньше тут богатеи жили. Сейчас — общежитие. Красные партизанские командиры теперь живут.

Рано поутру встают командиры. Бреются, друг над другом посмеиваются: мол, в Москве — не в лесу. Давай-ка сбривай партизанщину! Потом кипяток пьют с горбушкой вприкуску — командирский паёк. Потом идут учиться военному ремеслу. Скорей! Времени очень мало. Скоро снова воевать. Снова на фронт.

Жизнь у Щорса тихая. Спокойная. А сердце нет-нет и заноет. «Как-то там на Украине? Как-то там товарищи партизаны, те, что домой разошлись по его приказу? Как там маются они под Петлюрой, под всякой нечистью поганой? Эх, скорей надо обратно, обратно! Вот только бы оружия побольше, да патронов, да снарядов! Да на подмогу несколько полков красновардейских, обученных бою и дисциплине».

ПРО ТО, КАК ЩОРС С ЛЕНИНЫМ РАЗГОВАРИВАЛ

И вдруг — известие. Не известие — молния. Всё вокруг озарилось будто. И серая Москва светлой стала. И небо над головой. И лица людей.

И сердце колотится гулко, и волнение к горлу подпирает — Ленин лично к себе партизанских командиров приглашает. Долго начищал Щорс сапоги. Долго ремень подтягивал. Долго гимнастёрку расправлял. Потом пошли.

Каждый шаг Щорс запомнил: как по Красной площади шёл, по гранитным камням сапогами цокал, как у Спасской башни пропуск из-под шинели доставал, часовому показывал.

Когда шинель снял, на крючок повесил — разволновался: сейчас, вот сейчас, совсем немного осталось.

Топ-топ-топ... Ступенька за ступенькой — вверх, выше. Белая дверь. Ещё одна. Вошёл Щорс в комнату, огляделся.

Карта на стене. Шкафы книжные. Телефон на столе. Зелёная лампа... А навстречу человек идёт.

Невысокий — ниже его, Щорса.

Приветливый. Улыбается. Голову чуть наклонил — разглядывает внимательно каждого, в глаза смотрит.

Руки пожимает. Крепко пожимает — рука сильная.

Вот он какой, Ленин.

Много Щорсу про него слышать приходилось. Всякий раз спрашивал у людей, видевших Ленина, какой он из себя.

Ещё там, в окопах, один солдат говорил: высокий Ленин, косая сажень в плечах, руки — во, голова — во! И голос гулкий! Скажет — аж за версту слышать.

И клялся тот солдат, в грудь себя колотил, что самолично видел Ленина.

Вспомнил Щорс того солдата, улыбнулся.

Ленин его улыбку заметил, сказал:

— А это хорошо... Хорошо, дорогие товарищи, что вы улыбаетесь.

Сам улыбнулся, головой согласно кивнул.

— Время на дворе лихое, а вы улыбаетесь... И это — правильно, потому что последнее слово за нами.

По комнате Ленин прошёлся, потом словно спохватился, спросил:

— Рассказывайте подробнее!

Встал Щорс. Начал говорить. Рассказал вначале, как немцы старые порядки восстанавливают. Как врываются каратели в украинские деревни, хватают крестьян всех подряд и порют до смерти. Порют да приговаривают: «Это вам за то, что сеяли на барской земле. А это за то, что с большевиками знали».

— Стонет украинская земля, Владимир Ильич. Крестьяне измучены неволей, а про рабочих и говорить нечего. Но партизанские отряды показали, на что способна Украина.

— Значит, — сказал Ленин, жмурясь, — народ с каждым днём всё лучше понимает, что к чему.

— Конечно, — ответил Щорс. — Хоть наш дядька и сер, но ум у него чёрт не съел.

Засмеялся Ленин. С кресла встал, опять по комнате прошёлся.

— Вот, вот, — сказал, — именно так!

Подшёл Ленин к окну. Постоял, подумал, потом заговорил. Негромко говорил. Спокойно. Просто.

Говорил про Украину. Про Россию. Про то, что Россия и Украина кровные сестры, и никто, никакая сила их не разлучит. Говорил Ленин и о том, какое тяжкое время сейчас. Россия — как человек, который много крови от тяжких ран потерял.

— Время! Время нам нужно выиграть, — сказал он, подходя к командирам. — И Советская Россия обязательно поможет своим украинским братьям...

Не шёл, нет, летел Щорс от Ленина, ног под собой не чувствовал. Поддержал его Ленин! Велел, собрав командиров, на Украину скорей возвращаться. Делать из лесной партизанщины отряды украинской Красной Армии.

И врага бить беспощадно.

Летел Щорс и вдруг споткнулся будто. Вспомнил про того солдата, который в окопах про Ленина рассказывал. Улыбнулся.

И правда, спроси его сейчас, какой из себя Ленин, так же ответил бы: росту огромного, в плечах широкий. Голос гулкий. Скажет — за версту слышать. Какое там за версту! За много-много вёрст слышать ленинский голос! Вот поедет Щорс на родную Украину, и там услышит народ голос Ленина. Передаст им Щорс всё, что Ленин сказал.

И враг ленинский голос услышит. В посвисте пуль украинской Красной Армии. В грохоте снарядов. В стуке его, Щорсова, сердца.

ПРО ТО, КАК НЕМЦЫ ЩОРСА ИСКАЛИ

Молва — она без колёс мчится, без крыльев летит.

Лишь вернулся Щорс на украинскую землю, а молва о нём по народу пошла.

Приехал, мол, дядька Микола от Ленина на белом коне, весь бомбами увешан. А с ним — краснозвёздные солдаты. Красная Армия. Берегись теперь, немчура! Берегись всяк, кто на свободу зарится!

И до немцев дошла молва. Всполошились немецкие генералы. Листки по заборам расклеили. В сто тысяч марок цену Щорсовой голове обозначили.

Да не всё продаётся, что покупается!

Стали тогда немцы за Щорсом охотиться. Облавы устраивать. Людей стращать, чтоб про дядьку Миколу сказали, где он есть, указали.

Прослышали раз немцы, что Щорс домой вернулся.

Фельдфебель немецкий приказ получил, солдат своих выстроил. Велел дом, где Щорсы живут, окружить.

Как ворёны, налетели солдаты в пикастных касках на старую хату. Отца Щорса в сторону оттолкнули. Ребятишек малых к стене приставили.

— Отвечайте, где Щорс? — орёт фельдфебель.

— Я Щорс, — отвечает отец.

— Нейт! — морщится фельдфебель. — Не ты! Син! Где?

— Нету сына, — отвечает отец. — Давно нет.

— Ну, посмотрели! Если врешь, расстреляйт!

У солдат винтовки наперевес. А в глазах — страх. Вот выскочит из-за печки Щорс да как швырнёт бомбу! Поневоле тут испугаешься. Друг за друга станешь прятаться.

— Весь ищите! — орёт фельдфебель.

Лезут солдаты под кровать — нет ли Щорса?

В сундуке копаются, тряпки перебирают — а вдруг тут?

В подполье, трясясь, спускаются.

На чердак поднимаются, глаза от страха зажмурив.

На чердаке — тихо, темно, жутко. Фельдфебель с наганом

первый лезет. Лезет, головой крутит. Старые горшки стоят. В углу — бочки из-под квашеной капусты.

Тихонько, на цыпочках фельдфебель к бочкам крадётся. Последнее в доме место, где Щорс может быть. Всё уже обыскали.

Подкрался фельдфебель к бочкам, набрал воздуха побольше да как крикнет:

— Здавайтес!

А от бочек, из угла, вдруг что-то как захлопает, как зашумит.

«Вот он Щорс, сейчас бомбу метнёт!» Фельдфебель со страху присел, на курок своего нагана нажал, пых-пых по Щорсу.

Рассеялся дым в углу. Подошли, крадучись, солдаты. Видят — летучая мышь лежит. Вот тебе и Щорс.

Обозлились немцы, перевернули кадушки из-под квашеной капусты и ушли ни с чем.

Не нашли Щорса.

А он у товарищей прятался. Домой не заходил. И как раз в ту минуту, когда фельдфебель с солдатами его искал в бочке из-под квашеной капусты, сидел Щорс в саду, разговаривал.

Сидел себе мужичок в крестьянской свитке, рубашке. Мешок дорожный рядом. Какой-нибудь странник — и только.

— Вот и настал, — говорил мужичок, — час Советской Украины. Советская Россия нам поможет. Собирайте всех, кто за свободу и за совесть, к нам в Красную Украинскую Армию! И пусть паролем будет для вас славное имя казака Ивана Богуна.

Так говорил Щорс и шёл от деревни к городу, от города к деревне. Показывал людям железную красную звёздочку, которую из Москвы привёз. Символ Красной Армии. Знак победы.

— От Ленина? — спрашивали люди, кивая на звёздочку.

— От Ленина! — отвечал Щорс.

И шли люди за Щорсом.

По первому зову вернулись и старые боевые товарищи. Вернулись с партизанскими винтовками.

И как раз в ту минуту, когда фельдфебель с солдатами его искал в бочке из-под квашеной капусты, сидел Щорс в саду, разговаривая.

Пришли не одни — кто взвод, кто роту с собой привёл.

Как дом растёт по кирпичику, так и полк Щорса рос — каждый день, каждый час.

Шли в отряд рабочие да крестьяне, что за вольную жизнь сражаться решили.

А когда собрали полк, назвали его именем казака **Ивана Богуна**.

ПРО КАЗАКА ИВАНА БОГУНА И ПРО КРАСНОГО КОМАНДИРА ЩОРСА

Жил-был Иван Богун. Не казак никакой, а скорняк. Кожи выделывал, шубы шил. А налетели на Украину польские паны, не смог Иван шубы шить. Кожи выделывать перестал.

Встал Богун, иглу в стену воткнул, взял в руки саблю острую, сел на вороного коня.

Вышел за родину биться, позвал с собой таких же, как он, мирных людей. Стал добрым казаком.

Полетели панские головы с плеч. Полилась вражья кровь.

И где бы ни был казак Иван Богун, где бы ни появился он с товарищами боевыми рядом, везде бил врага. И всегда побеждал.

Нет, не зря щорсовцы свой полк Богунским называли... Уж само имя Ивана Богуна заставляло бойцов суровыми быть, смелыми. В бою только вперёд идти. Врага и саблём сечь и пулей бить.

— Помните, — Щорс бойцам говорил, — богунцы не отступают, разве только на шаг-два для разбега, чтобы крепче штыком ударить. А чтоб не отступать — надо быть сильным. А чтобы быть сильным — надо уметь. А чтобы уметь — надо учиться военному делу.

Встанет Щорс рано поутру, выйдет на улицу — глядь, а во дворе новая рота стоит. В лаптях, в старых одежках. Пришло пополнение.

Улыбнётся новым бойцам командир. Те ружья к ноге приставят, глаза пошире откроют: погляди, мол, какие мы молодцы.

«Эх, — подумает Щорс, — молодцы-то вы молодцы, да покуда не бойцы».

И велит крестьянам учиться солдатской науке и всему, чему сам научился, и учит их, чтоб воевать умели, как умеют бойцы Красной Армии.

А с чего военная наука начинается? С дисциплины, с выправки!

А дисциплина и выправка? С командира!

Идёт Щорс — бойцы на него не налюбуются. Стройный, подтянутый, настоящий командир.

Вот и первый бой собрался Щорс дать. К немцам в тыл зашёл да как следует ударил.

Растерялись немцы. Побросали оружие, побежали. Не поймут, кто напал на них — то ли партизаны, то ли Красная Армия.

А Щорс доволен, что бойцы его проверку боем выдержали. Научились драться крестьяне и рабочие. Научились стрелять. Настоящая Красная Армия!

Да вот только драться надо подождать. Бой одним полком выиграть можно, а всю Украину освободить — нельзя. Подождать ещё надо. Подождать подмоги от Ленина. Красную Армию подождать.

Отошёл Щорс со своим полком. Прибегают к нему бойцы, докладывают.

— Немцы испугались. Парламентёров прислали. Говорить хотят.

Вышел Щорс к немцам. Немцы со Щорсом помириться хотят. Условия предлагать пришли.

Только открыл рот немецкий офицер — условия свои читать собрался, а Щорс ему говорит:

— Никаких условий! Одно наше условие — вон с Украины! Так и застыл офицер с открытым ртом.

Повернулись парламентёры и пошли к своим генералам. Рассказывать, какой он есть, дядько Микола, за которого сто тысяч марок цену назначили. Рассказывать, что не дядько это никакой, а красный командир. На фуражке — красная звёздочка, знак Красной Армии. Боевой красный командир.

ПРО ТО, ЧТО „ОДИН В ПОЛЕ НЕ ВОИН“

Есть такая поговорка: «Один в поле не воин».

Хочешь победить — первым делом друзей себе ищи. Боевых товарищей. Потому что одному победы не видать.

Были и у Щорса боевые друзья.

А первый среди них — батько Василий Боженко. Он со своим полком пришёл.

Щорс — молодой, высокий, стройный.

Батько Боженко — седой, неуклюжий. Усы свисают, а он их всё рукой поправляет. Свитка ярким кушаком подпоясана. На боку — кривая турецкая сабля. Во рту — маленькая трубка, люлька, дымит.

Боженко прежде рабочим был. Науки военной не знал, в карте военной с трудом разбирался.

Когда в атаку шёл, к бойцам своим оборачивался и кричал:

— Умрём, сынки, за революцию!

— Умрём, батько! — бойцы ему отвечали.

И мчалась вперёд конница Таращанского полка, которым командовал Боженко.

Сражался батько храбро, отчаянным и смелым сам был и того же от таращанцев своих требовал. И храбростью бойцов своих гордился. Про всё остальное — не печалился.

Приехал Боженко к Щорсу. Посмотрел Боженко на щорсовские порядки, на дисциплину в отряде, на учения, да и призадумался.

Призадумался Боженко и решил, гордость позабыв, у младшего своего товарища поучиться.

Маршируют теперь таращанцы — у богунцев учатся.

Тактику военную учат — на богунцев равняются.

Подтянутые стали, дисциплину на вооружение приняли — готовятся к решающим схваткам.

Ждут и богунцы, и таращанцы, и славные их товарищи из других полков, ждут ленинского приказа наступать. Наступать и жестоко биться.

Дождались ленинского приказа!

— З'мрём, сынки, за революцию!

Вместе с Красной Армией идут и украинские полки. Вся Украинская армия. Идут рядом полки Богунский и Таращанский. Идут рядом храбрые командиры. Потому что «один в поле не воин».

ПРО ТЕЛЕГРАММУ, КОТОРУЮ ЛЕНИН ПРИСЛАЛ

Однажды ночью, когда Щорс спал, застучал кто-то торопливо в окно.

Проснулся Щорс — перед ним вестовой.

— Телеграмма! Срочная!

Взял Щорс у него телеграмму, глянул на подпись — **ЛЕНИН!** Прочитал быстро.

«Сейчас получена радиграмма... обращенная к международному пролетариату и сообщающая, что власть в Германии перешла к рабочим и солдатам... Необходимо направить все усилия для того, чтобы как можно скорее сообщить это немецким солдатам на Украине... Предсовнаркома **ЛЕНИН**».

Прочитал Щорс ещё раз телеграмму, крикнул:

— Тревога!

А сам смеётся. Никогда ещё такой приятной тревоги не было!

Едва рассвело, тронулся со станции Увеча, где Богунский полк стоял, поезд. Паровоз да два вагона. На паровозе — красный флаг и алое полотнище, на котором удивительные слова написаны:

ДА ЗДРАВСТВУЕТ МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ РЕВОЛЮЦИЯ В ГЕРМАНИИ!

Идёт поезд не спеша. Паровоз белым паром отдувается.

Вон и окопы немецкие. Пулемётами ошетинились. Штыками. Притаились немцы. Ждут, чего это ещё им Щорс приготовил.

А Щорс спрыгнул на землю. Взял в руки красный флаг. Кобуру с пистолетом отцепил. Товарищи его винтовки свои на землю положили. Пошли вперёд, к колючей проволоке. К пулемётам, на них нацеленным.

Подожёл Щорс вместе с бойцами своими к колючей проволоке. Красный флаг высоко поднял и крикнул громко:

— Немецкие солдаты! Товарищи! Вчера у вас, в Германии, свершилась революция!

Подождал, пока немцы слова его поймут, и снова крикнул:

— Да здравствует революция в Германии! Ура-а-а!

— Ура-а-а! — поддержали его бойцы.

— Ура-а-а! — закричали из окопов немецкие солдаты.

Винтовки свои бросили, побежали к колючей проволоке. Давай Щорса качать. Его бойцов обнимать. А потом приехали солдаты-немцы в Унечу, в гости к богунцам.

И русские, и украинцы, и немцы на революционный митинг собрались. «Интернационал» пели.

Вставай, проклятьем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов!..

После митинга Щорс продиктовал телеграфисту:

«Москва, Кремль, товарищу Ленину. Представители революционных солдат Германии приветствуют в Вашем лице мировую революцию!»

Подали солдаты друг другу руки. Потому что руки у них были похожие — мозолистые, большие. Руки рабочих и крестьян.

ПРО ВОЕННЫЕ ХИТРОСТИ

Умел Щорс воевать! Умел не просто с саблей в бой бросаться. Умел он и хитрости военные придумывать.

Хитрость первая

Пришли однажды к Щорсу добровольцы.

— Что делали раньше? Как служили? — спрашивает Щорс.

— Рабочие мы, — добровольцы ему отвечают, — из обозных мастерских.

Обрадовался Щорс и говорит:

— И стрелков, и кавалеристов, и пулемётчиков, и разведчиков у меня много. А вот мастеров — таких, как вы, нет. Так что будет вам особое военное задание.

Взял Щорс лист бумаги, нарисовал на нём что-то.

— Вот, — говорит, — раз вы обозники, ступайте к себе обратно и сделайте по этому чертежу пулемётные сани. Завод ваш теперь военный, красноармейский. Так там всем и скажите.

Понаделали обозники пулемётных саней, вроде тачанок, только для зимы приспособленных. Велел Щорс коней в сани запрячь, пулемётчикам места боевые занять.

Сидят петлюровцы в засаде, ждут. Вдруг видят — санный поезд летит. Бубенцы гремят. В дугах у лошадей красные лсыты вьются.

Никак, свадьба едет!

А сани поближе подъехали да на всём скаку как огнём за-
строчат! Как пламенем полыхнут!

Вот тебе, Петлюра, и свадьба!

А бубенчики поют, заливаются. А ленты красные в дугах
развешаются, трепещутся. А кони удалые всхрапывают. А пуле-
мёты строчат — тра-та-та-та! Принимай смерть, Петлюра!

Хитрость вторая

И ещё одну хитрость придумал Щорс. Знал он, что Петлюра
на многих рабочих и крестьян силком форму петлюровскую на-
дел. Силком винтовки им в руки дал. Силком против Красной
Армии воевать приказал.

И тогда сделал Щорс так.

В бою одним много пленных богунцы взяли. Велел Щорс бойцам своим всех пленных, кого силком петлюровцы против красных воевать заставляли, на пустыре построить.

Построили пленных петлюровцев. Те думают: ну, всё, к расстрелу приготовили.

Но вышел к ним Щорс и сказал:

— Красная Армия с народом не воюет. Идите домой и всем по дороге расскажите, что Советская власть сохраняет вам жизнь и отпускает домой.

Не поверили пленные. Обман, думают. Хитрость. Ловушка. Повернутся они сейчас, по домам побегут, а сзади по ним из пулемётов. Стоят, не расходятся.

Вышел один из строя, говорит:

— Кто же это нам поверит-то?

— Поверят. — Щорс засмеялся.

И велел пленным бумагу с печатью выдать: «Гражданин такой-то, обманутый Петлюрой, отпущен домой с обязательством не воевать против Советской власти».

— Ну, а кто желает оставаться в Красной Армии, — сказал Щорс, — и готов бороться за Советскую Украину, оставайтесь.

Остались многие в Богунском полку. А кто ушёл — известно с собой разнёс, что Красная Армия — самая правильная на свете. Детей малых, да стариков со старухами, да женщин, да всех рабочих людей она защищает. А тех, кого Петлюра силком воевать заставлял, домой отпускает.

Хитрость третья

Прослышал про Щорсовы хитрости сам Петлюра. И решил Щорса перехитрить. Дай-ка, думает, я листовку составлю к богунцам, к таращанцам, к прочим красным бойцам.

Чего, мол, нам делить? И я, Петлюра, и вы, богунцы, и вы, таращанцы, за одно воюем! За вольную Украину! Переходите, дескать, ко мне, веселей будет. А большевиков мы к стенке поставим, потому как они вольную Украину к своим рукам прибрать желают!

Бросил свои листовки Петлюра и ждёт, когда ему донесут, что листовки его сильнее бомбы, что богунцы все разбежались, один Щорс остался.

Получил Щорс Петлюрово послание, позвал батьку Боженко, позвал своих командиров, и решили они гетману Петлюре ответ сочинить. И сочинили.

Предатели, мол, долго не живут, а мы, крестьяне, казаки да красноармейцы, голову положим, чтоб Украину от Петлюры защитить, чтоб расцвела на её вольной земле пшеница и чтоб сжата она была вольным крестьянством для своей пользы, а не для кулаков и помещиков.

Отпечатали своё послание бойцы да с аэроплана, у Петлюры же захваченном, сбросили в петлюровские войска.

Письмо очень на петлюровцев подействовало. Целых два полка на сторону Красной Армии перешли да ещё генерала петлюровского с целым штабом связанных доставили.

Велел Щорс расстрелять генерала. И ещё велел объявить: со всеми так будет, кто мирных людей, кто стариков, да женщин, да детей малых убивать будет.

Думал Петлюра перехитрить Щорса, да всё наоборот вышло.

ПРО САМЫЙ ЖАРКИЙ ВОЙ

Всё больше красных флагов над освобождённой Украиной! Вот уже и Киев советским стал. Большой праздник в Киеве. Большой праздник у богунцев и тарашанцев.

За храбрость, за смелость, за доблесть наградило Революционное правительство славные их полки Почётными Красными знамёнами. Щорса и Боженко — почётным оружием, золотыми саблями.

А разбитый Петлюра всё дальше отступал. И чем крепче была его Красная Армия, тем злей огрызался он.

Но вот снова Петлюра помощь от друзей своих, капиталистов, из-за границы получил. Оружия много. Снарядов, патронов. И, собрав силы, на Киев двинулся. В тыл ударить решил, красные войска врасплох захватить и Киев своей столицей сделать.

Идут, идут, идут петлюровские полки. Ползут по белому снегу. Уж недалеко до Киева осталось. Радуетя Петлюра. Мечтает: вот едет он на белом коне по белокаменному Киеву. Да не просто так едет, не по дороге, а по мягкой ковровой дорожке. Едет гетман всея Украины.

Есть город такой, от Киева недалеко, Бердичев называется.

Шёл, шёл Петлюра, а у Бердичева красные войска встретил.

Грянули пушки петлюровцев. Застрочили пулемёты петлюровские. Побежали вперёд солдаты петлюровские. «Снарядов не жалеть! Патронов не жалеть! Солдат не жалеть!» — велел Петлюра.

Бились, бились бойцы с Петлюрой, да силы неравные. Дрогнули наши. Отходить стали.

И вдруг видят — человек бежит. В кожаной тужурке, в фуражке с красной звездой. В руке наган. Щорс.

Узнали бойцы Щорса, оружие в руки и снова на Петлюру пошли.

— Пулемёт на пригорок! — командует Щорс. — Бойцы, за мной!

Отогнали врага бойцы, залегли. Патроны берегут. Снаряды берегут. Знают, долгий бой будет.

Девять дней шёл бой.

И каждый день по девять раз в атаку петлюровцы лезли.

По девять атак в день щорсовцы отбивали.

Едва посветлеет небо, снова сходятся в жестокой схватке красные и белые.

Бьются, бьются красные с белыми.

Вот и сил уже нет. Вот и патроны уже на исходе. Кажется, ещё немного — и возьмёт верх вражья сила.

И вдруг — Щорс на коне. Похудевший, чёрный. Глаза от усталости и бессонных ночей провалились. Бойцов вперёд зовёт.

И снова стреляют красные бойцы.

Снова валятся в снег петлюровцы.

Бился, бился Петлюра. Не жалел ни людей, ни снарядов, ни пуль.

На десятый день не выдержал Петлюра натиска, отступил.

— Пулемёт на пригорок! — командует Щорс. — Бойцы, за мной!

Вперёд идут красные цепи. Петлюре на пятки наседают. По-
шёл вон, Петлюра, с Украины!
Не быть Киеву белым!
Быть Киеву красным!
Быть Украине Советской!

ПРО ЩОРСОВУ ГИБЕЛЬ

Враг — что зверь. Чувствует свой конец и ещё злей огры-
зается. Силы последние собирает.

Шагают вражьи войска. Деревни сжигают. Стариков веша-
ют. Детей сделать рабами своими хотят.

Погиб от вражьей пули первый друг Щорса — батько Васи-
лий Боженко, славный командир таращанцев.

Долго Щорс стоял у могилы, голову опустив. Вспоминал,
сколько товарищей и друзей украинская земля уже приняла.

Стоял Щорс, пока над могилой дядьки Василия холм бойцы
не насыпали. Поднял наган, трижды в воздух выстрелил. И все
винтовки таращанцев в воздух выстрелили. Прощальный залп.
Почетъ командиру.

Развевал ветерок пороховой синий дым. Поднял голову
Щорс — нет больше друга боевого, но есть его таращанцы и
богунцы, и уже не полк, а целая дивизия есть. Есть Красная
Армия. И никакой враг не страшен ей.

Но жмут денкиинцы. Лезут белополяки. Петлюровцы старое
забыть не могут. Собрали враги все свои силы. Рвутся к дороге,
что из Киева в Советскую Россию ведёт.

Идут по этой дороге поезда с ранеными красноармейцами.
С оружием. С продовольствием.

Зорко стерегут дорогу щорсовцы.

Узнал Щорс, что Петлюра опять бой готовит. Пришёл к бой-
цам своим. Не утешать пришёл, а правду сказать. Сказать, что
в Сибири белые наступают, и с юга — тоже белые. Везде белые
лезут с пушками да снарядами. Прислали им из-за границы ка-
питалисты. Тяжело Советской Украине. Теперь только уж их
не разлучить — ведь бьются они за общее дело.

Идёт Щорс по бойцовским рядам, говорит товарищам своим правду, и товарищи его, друзья боевые, крепче винтовки свои сжимают. Готовы биться до последнего. Готовы жизнь отдать за Советскую власть. За свободу.

Прошёл Щорс по цепям боевым, а потом вперёд пробрался. Поднял бинокль, чтобы на позиции врага посмотреть.

А на вражеской стороне, на крыше сарая, пулемётчик петлюровский лежал. По бойцам стрелял.

Заметил это Щорс и команду дал, чтоб из пушек по сараю залп дали.

Громыхнули орудия, смолк пулемётчик.

Поднял снова Щорс свой бинокль, снова на врага посмотрел и вдруг на землю лёг. Будто спать ему очень захотелось.

Подбежали к нему бойцы. За плечо его трясут — не просыпается Щорс. Спит мёртвым сном от вражеской пули.

Будто молния по цепям красным пролетела. Вскочили без команды красноармейцы-щорсовцы. И вперёд кинулись.

— За Щорса! — кто-то крикнул.

И остальные подхватили:

— Ура-а-а! За Щорса!..

Дрогнули петлюровцы и назад покатались. А красноармейцы вперёд неслись. И никто остановить их не мог.

Будто Щорс и мёртвый вёл их в атаку.

ПРО ПЕСНЮ О ЩОРСЕ

Пришёл конец и Петлюре, и Колчаку, и Денишину, и Юденичу, и Краснову — всем белым генералам, кто на Россию да на Украину зарился, — всем им конец пришёл.

Прогнала их прочь Красная Армия с нашей советской земли.

Прогнала. И шапки сняла. Чтоб помянуть молчанием павших своих героев. Чтоб салют дать в память павших. Из всех пушек. Из всех винтовок.

А потом песни тихонько спеть про славных своих бойцов.

Стоят красноармейцы, штыки к плечу, и в таёжной Сибири, и на тёплой Украине, и на Волге широкой.

Шлемы краснозвёздные — с головы долой. Лица суровы.
Стоит Красная Армия смирно.
Стоят и поют солдаты негромко песни про героев своих.
Поют и про Щорса, отдавшего жизнь за свободу:

Шёл отряд по берегу,
Шёл издалека.
Эх, шёл под красным знаменем
Командир полка...
Эх, шёл под красным знаменем
Командир полка...
— Хлопцы, чьи вы будете?
Кто вас в бой ведёт?
Кто под красным знаменем
Раненый идёт?
Кто под красным знаменем
Раненый идёт?
— Мы — сыны батрацкие,
Мы — за новый мир.
Эх, Щорс идёт под знаменем —
Красный командир.
Эх, Щорс идёт под знаменем —
Красный командир.

Тихе, тихе поют бойцы...

Будто уходит вдаль щорсовский полк. Уходит с командиром своим впереди.

Уходит далеко, в грядущие годы. В легенду, где павшие герои вечно живы.

Поёт армия о своём герое.
Поёт партия о своём герое.
Спой и ты эту песню о Щорсе.
О славном красном командире.
И не забудь сё.

